

Ирина
Словцова

Зягь
для мамы

«Марина судорожно вздохнула, вцепилась в мягкий свитер на его плечах и, уже не сдерживаясь, прижалась к нему всем телом».

Ирина Словцова

Зять для мамы

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180025
Словцова И. Зять для мамы: АСТ; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-054886-6*

Аннотация

Теща не должна хорошо относиться к зятю – это всем известно. Сколько об этом написано историй и рассказано анекдотов – не счесть.

А бывают исключения?

Вы не поверите, бывают.

Просто Марина, героиня романа Ирины Словцовой, – не совсем обычная женщина, поэтому и отношения с людьми у нее складываются нешаблонно, не так, как «положено».

Ну какой, скажите, даме бальзаковского возраста по плечу заняться парашютным спортом?

А отважно пуститься в автономное плавание в мире большого бизнеса и открыть собственное дизайнерское бюро?

И наконец, много ли вы знаете женщин, которые поддерживают искреннюю дружбу с бывшими мужьями и нисколько этим не тяготятся?

Вот и муж дочери – нескладный недотепа с ворохом проблем – вызвал у Марины не раздражение, а желание помочь.

А сама Марина – будет ли она счастлива?

Появится ли рядом с ней надежный и любящий мужчина?

Посмотрим...

Ведь тот, кто делает счастливыми других, наверняка заслуживает награды...

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Дочка вышла замуж	5
Глава 2. Одни вопросы	17
Глава 3. Лечение и трудоустройство зятя	31
Глава 4. Разговор с дочерью	40
Глава 5. Прозрение	50
Глава 6. Начало операции «Макаренко»	68
Глава 7. Семейная тайна	77
Глава 8. Объяснение	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Ирина Словцова

Зять для мамы

Часть 1

Новый статус

Глава 1. Дочка вышла замуж

...Марина возвращалась домой после ночи, проведенной у любовника. Он подвез ее к станции метро, а дальше она решила пройти по парку, из которого были видны окна ее квартиры. Она очень любила, если было время, пройтись по аллеям парка, минуя прямую улицу, ведущую к дому. А сегодня оно было: суббота, раннее утро, первые зеленые листочки на деревьях, по-весеннему оголтелое чириканье воробьев в почти голых кустах... Марина медленно шла по аллее и размышляла о том, как часто жизнь нашими собственными руками выстраивает ловушки. Не один год она старалась, чтобы в их доме было уютно и тепло, свободно и легко всем ее любимым существам, а теперь эти существа делают так, чтобы Марина часть своей жизни перенесла за пределы этого дома. Мать по-прежнему считает себя главой семьи и

безапелляционным тоном дает оценку всем поступкам своей сорокашестилетней дочери и двадцатилетней внучки. Двадцатилетняя Алена, по понятному эгоизму молодости, думает, что у ее постсорокалетней матери личной жизни, а в частности секса, быть уже не может. В квартире постоянно толкуются Аленины однокурсники и однокурсницы, материны приятельницы и аспиранты, которых любезно поставляет кафедра, где мать преподавала много лет. По субботам этот разношерстный «колхоз» дополняется Геннадием – бывшим мужем Марины и, соответственно, отцом Алены.

...Марина даже представить себе не могла, как вдруг в их квартире появится Валентин (так звали ее любовника) и пойдет на кухню, к примеру, пить чай. По дороге он обязательно встретит кого-нибудь из аборигенов их квартирного колхоза и явно не почувствует от этого прилива нежных чувств. Поэтому Марина предпочитала держать подальше от посторонних глаз свои интимные отношения. Она примерно представляла себе, что ее ждет сейчас в собственной квартире субботним утром, но столь бурной реакции предположить не могла.

Стоило ей появиться в прихожей, как ее 70-летняя мать, сухонькая дама с генеральским голосом, встала у притолоки двери, ведущей в гостиную, и вместо приветствия объявила:

– Марина, ты преступница! Ты бросила ребенка! Ты проститутка!

Марине очень не хотелось вступать в дискуссию по поводу

того, кого принято считать проститутками и детьми, но она, расстегивая молнию на сапоге, все ж таки парировала:

– Ну во-первых, ребенку уже двадцать лет. Во-вторых, ребенок был не один, а с тобой, а в-третьих, мама, ты знаешь точное определение проститутки?

– Это публичная женщина!

Мать неслась, как вагон, оторвавшийся от состава, с горы... Без тормозных колодок не остановить...

Марина к любовнику ходила больше отоспаться, отдохнуть от материнских атак, чем за ласками. Хотя с Валентином ей повезло. Он ее любил, жалел, берег, понимал, сочувствовал и звал замуж.

– Марина, оставь ты их. Ведь укатают они тебя. Там уже все взрослые люди. Проживут и без тебя. Я тебя, Мариша, не тороплю, только давай уж скорее поженимся. Квартира скоро будет готова, можно въезжать.

Утро сегодня начиналось сказочно.

– Мариша, просыпайся, – разбудил ее Валентин, – я завтрак приготовил. Тебе принести, или на кухню пойдем?

Вопрос был существенный, поскольку в ожидании своей квартиры Валентин жил в коммуналке, а Марина в свои сорок шесть лет понятия не имела, что такое коммунальная квартира. Познакомившись с Валентином и впервые оказавшись в экзотических для нее условиях, когда в ванную ходят по графику, она тяготилась коммунальным общением. Любимый мужчина это понимал и старался свести ее маршрут

по «общественным» местам к минимуму. Все сегодня было очень мило: хороший секс, хороший сон, завтрак в постели... Но, как Валя ее ни уговаривал поехать с ним за город, она решила заглянуть домой – все ли в порядке.

...Все было как всегда. Но она еще пребывала в расслабленном состоянии, и ввязываться с маман в рукопашный бой ей ну никак не хотелось.

– Мам, а ты помнишь, сколько мне лет? Мои сверстницы уже три раза сходили замуж и раз пять поменяли любовников. Я же просто встретила нормального мужика... А ты тут ерунду митинговую несешь...

– Какой пример ты показываешь дочери? Она и так делает что хочет.

Так, подумала Марина, пора переводить стрелку, иначе этот несущийся под откос вагон ее снесет.

– Слушай, мам, – совершенно будничным голосом сказала она. – А говорят, вчера Жириновский опять с кем-то подрался?

– Я не знаю, как Жириновский, а вот Зюганов...

Дальше можно было не слушать, и Марина, обрадовавшись, что «переключение программы» произошло успешно, удалилась с поля боя. Зашла на кухню, проверила холодильник, наличие хлеба и решила, что начнет со стирки, а уж потом сядет за компьютер. Как раз, пока она «заправляет» стиральную машину, мать устанет от собственных высказываний и уйдет к себе. Тогда можно будет спокойно порабо-

тать, без комментариев.

...Сев за компьютер в своей комнате, Марина надеялась плотно поработать над серьезным заказом, но поняла: день сегодня явно не задался. Не успела она открыть нужный ей файл, как звонок в прихожей, а следом за ним бас бывшего мужа и реплики матери возвестили, что ей поработать не придется.

– Марьяна, твой дизайнер пришел.

– Он давно уже не мой, – не вставая из-за стола, крикнула Марина. – Он теперь уже международное достояние... Но все равно, налей ему супа, мне некогда, а Аленки дома уже нет. Она на занятиях.

Со своим бывшим мужем Геннадием Марина когда-то училась в художественном училище. Но, получив дипломы, каждый из них выбрал для себя свой профессиональный путь. Марина увлеклась дизайном интерьера, а Гена – рекламным бизнесом. В быту он совершенно не приспособлен (или хотел казаться таким), а как профессионал состоялся, в своем кругу был достаточно известным и успешным креативщиком. Он обладал потрясающим ощущением времени, вернее, потребности текущего момента. Он придумывал дизайн для рекламы известных фирм. Правда, очень скоро выяснилось, что для поддержания растущего профессионализма Гене требовались новые симпатии. Он так заинтересованно смотрел на них своими большими карими, чуть на-

выкате глазами, так склонял свою черноволосую голову к их ручкам, чтобы поцеловать пальчики, так угадывал их тайные слабости, что они быстро сдавались на милость победителя. А сдавшиеся крепости ему были не интересны. Новый проект – новая жертва Гениного вдохновения.

Когда Марина догадалась об истинном источнике вечного творческого горения своего мужа, она предложила:

– Ген, давай разведемся, пока мы еще не начали друг другу гадости говорить и орать при ребенке.

Гена свою жену тоже изучил: чем тише она говорила, тем более удручающе были для него последствия ее слов. На этот раз она говорила шепотом. Он молча собрал вещички, поцеловал пятилетнюю Аленку в макушку и ушел...

Их дочь никогда не была свидетелем родительских перепалок или ссор. Никогда от матери не слышала ничего плохого об отце, а повзрослев, так и не могла понять, почему родители разошлись. Тем более что папенька частенько приходил к ним домой и вел с мамой чуть ли не задушевные беседы о творчестве своих знакомых, друзей, тихо-мирно интересуясь мнением бывшей жены. Через Маринино плечо заглядывая на экран монитора, вроде невзначай давал ей вполне приемлемые советы. Гена ушел... чтобы иметь право ходить в этот дом, к своей дочери и к Марине...

Суббота был его «законный» день.

– Марьяна, твой муж пришел, – кричала из прихожей

мать.

«Работы сегодня точно не будет», – с тоской подумала Марина.

– Во-первых, никакой он уже не мой, а во-вторых, налей ему супу. Мне некогда.

– Маришка, – как всегда непринужденно улыбаясь и заглядывая ей через плечо в экран монитора, басил Гена, – ну что ты, ей-богу, я же к вам не из-за супа хожу. Хотя... из всех моих жен ты единственная, кто умеет хорошо готовить, – сделал он сомнительный комплимент.

– Ага, поэтому ты ходишь уже сто лет после развода. За это время можно целую армию поваров обучить, не то что твоих жен. – Отвечая мужу и глядя на экран монитора, Марина подбирала цветной фон для будущего рисунка.

– Ты знаешь, у них низкий уровень обучаемости. Боюсь, что мой желудок не выдержит курса повышения их поварской квалификации. Ты должна гордиться своими кулинарными талантами и щедро делиться их последствиями.

– Я горжусь тем, что была первой женщиной, которая дала тебе коленкой под зад. Слушай, Гена, мне действительно некогда. Иди пообщайся с бывшей тещей. Этим ты окажешь мне необычайную услугу.

– А что, сильно достает? – посочувствовал бывший супруг, в свое время испытанный на себе тяжелый характер Анна Георгиевны.

– Давай, Гена, шагай на кухню и не задавай лишних во-

просов. Кстати, ты зачем пришел?

– Ты знаешь, у меня сломался монитор. Я хотел Аленкин взять на время.

– Здравствуйте вам, ты у нее спросил? – Марина поняла, что уже бесполезно что-либо делать на мониторе, и стала один за другим закрывать файлы. – Ей же курсовые делать и все такое. Ты что, обалдел? С твоими деньгами отремонтировать или купить новый монитор не проблема. Или в твоём агентстве заказы иссякли?

– Ну, должен же я на чем-то экономить! У меня четыре жены, четверо детей, я их содержу... И неплохо, между прочим. Алене я же компьютер подарил. С этим ты спорить не станешь?

Марина почувствовала, что еще немного – и она лопнет от злости.

– Я не стану с тобой спорить, я просто вышвырну тебя вон! Значит, говоришь, у тебя четверо детей и ты их хорошо содержишь, и надо экономить. И экономить ты решил на Аленкином мониторе!.. Мама, ты налила ему суп? Так вылей его в унитаз. Он уже уходит. Да, он вспомнил, что у него срочный заказ, его вызывает клиент... или клиентка... – С этими словами она сняла с дивана кожаный рюкзак Геннадия и всучила ему в руки.

– Марина, ты озверела? Что ты из-за какой-то железки на мужа руку поднимаешь? – пытался Гена превратить начинающуюся стычку в шутку, при этом пятясь к двери под на-

пором бывшей жены.

– Ты мне не муж, и я не обязана чужого мужика кормить-поить, пусть тебя твои жены содержат. – Она все еще продолжала использовать рюкзак вроде тарана, продвигая бывшего мужа к выходу из своей комнаты. – Все, проваливай. Терпение мое лопнуло. – Марина уже почти дотолкала Геннадия до двери в коридор, как вдруг та распахнулась и в комнату вошла Аленка, полная отцовская копия: стройная, черноволосая, с яркими выразительными глазами. У нее было такое решительное выражение лица и воинственно приподнятый подбородок, с какими она обычно, когда была помладше, притаскивала домой бездомных собак и кошек, ворон с подбитыми крыльями и другую живность. Очевидно, на сей раз трофей был либо крупнее обычного, либо упирался, так как Алена чуть замешкалась на пороге. Затем со словами: «Мама-папа, как хорошо, что вы оба дома! Мне ничего не нужно будет повторять», – она за руку втащила за собой молодого человека и представила:

– Это мой муж...

На пороге комнаты показался высокий худощавый юноша с вьющимися светло-русыми волосами, широко распахнутыми голубыми глазами, длинными ресницами и пухлым ртом. Он довольно безучастно отнесся к своему появлению пред очами новоявленных тестя и тещи, которые замерли с открытыми ртами, как в дет-ской игре «замри-отомри».

Первым пришел в себя Геннадий.

– А он не голубой? – бесцеремонно разглядывая парня, уточнил родитель.

– А он что, папа, в твоём вкусе? – мгновенно парировала дочь.

– Алена, не груби отцу.

– А ты не оскорбляй! Ты человека видишь первый раз, а уже придумываешь всякие гнусности.

– Вот-вот. Это я и хотел сказать! Я его вижу первый раз. А ты? – повернулся Геннадий к бывшей жене.

Та, все еще пребывая в шоковом состоянии, заторможенно произнесла:

– Я тоже его первый раз вижу. Кто это?

– Мама, я же тебе говорила, что собираюсь замуж выходить.

– Я думала, ты шутишь. Ты же подала на грант, в Венгрию хотела ехать...

– Да какие шутки, вот свидетельство о регистрации, мы только что из загса.

Геннадий взял из рук дочери свидетельство, прочитал, посмотрел на детей, сверяя наличие.

– Елена Геннадьевна Васильева, Ипполит Иванович Коржиков... Это... вы? – снова обратился он к юноше, который молча и безучастно переводил взгляд то на одного, то на другого участника спектакля «Не ждали».

– Папа, хватит юродивого изображать, – сердито произнесла дочь и попыталась продолжить церемонию знаком-

ства. – Мы его Полом зовем, так даже стильно.

– Доча, я понимаю, у вас гормоны играют и все такое... но зачем же так рано замуж выходить?

Марина уже пришла в себя, обрела дар речи и кинулась на Гену:

– Ах ты, котяра... Ты чему учишь?! По чужим постелям скакать? Пусть спят... дома... на... законном основании, – и сама удивилась сказанному.

– Ладно, – решил мирным путем закончить дискуссию Гена. – Давайте все-таки пообедаем, раз уж все собрались. Ипполит расскажет о себе. Мы потихоньку придем в себя. Подумаем, как жить дальше...

– Тебе бы только поесть! – Марина не знала, как скрыть свою растерянность и обиду на дочь, и вообще не знала, как ей вести себя в этой дурацкой ситуации. Но вдруг подумала, что вариант, предложенный Геной, пожалуй, единственная возможность им обоим сохранить «родительское лицо».

– Давайте уж накрывайте на стол. Надо же вас, наверное, поздравить... – миролюбиво предложила она и первой отправилась на кухню.

...Остаток субботы неожиданно пополнившееся семейство потратило на перестановку мебели и обустройство комнаты молодоженов. Единственное, что удалось выяснить общими усилиями Марине с Геннадием про дочкиного мужа, – это то, что он ее бывший однокурсник, так как год «потерял», живя во Франции.

Ранним воскресным утром Марина быстренько собралась, чтобы никого не разбудить, и уехала на дачу приводить свои чувства в порядок. Физическая работа и молчание помогали ей восстанавливать душевное равновесие. Весь день она пропалывала клубнику и цветники в той части сада, которая не просматривалась соседями.

...Она вернулась домой поздно вечером.

«Господи, как мало человеку нужно для счастья, – нежась под душем, расслабленно думала Марина. – Может быть, ничего, обойдется? Иногда скоропалительные браки оказываются счастливыми...»

Увы, ее ждало разочарование...

Глава 2. Одни вопросы

На следующее утро, по традиции выйдя в коридор проводить дочь в институт, Марина, заметив отсутствие юного супруга, поинтересовалась:

– Ипполит раньше тебя уехал?

– Да нет, он дома остается, – невозмутимо констатировала дочь.

– Погоди-погоди, он что, заболел или занятия решил прогулять? – никак не могла прояснить для себя ситуацию вечно работающая Марина.

– Да нечего ему прогуливать, – как маленькой растолковывала Алена матери. – Он не учится. А на работу его не берут, потому что он от армии косит.

– Что делает?

– Мама, ну что ты, маленькая? Газет не читаешь? Ну, не хочет он в армию... Ладно, пока, я уже опаздываю... Можешь его на кухонных работах использовать. Он сознательный...

Марина ушла к себе обдумывать услышанное. «Не будем волноваться, – утешала она себя, – еще не все понятно... Вот мальчик проснется, поговорим, разберемся». Работа у нее не клеилась, на экране появлялось что-то невразумительное с тоскливыми красками, и, как она ни заставляла себя со-

средоточиться, мысли все равно возвращались к скоропалительному замужеству дочери.

Алена была не только внешне точной копией Геннадия, но и характером пошла в отца. Она с пеленок была уверена в том, что этот мир – для нее. А поскольку ее родители после развода испытывали перед дочкой чувство вины, она научилась хорошо справляться с ними обоими и с каждым по отдельности. Она всегда четко формулировала свои пожелания отцу и никогда не требовала от матери того, что та не могла ей купить. Если ей нужна была моральная поддержка и ощущение надежности и защиты, она обращалась к матери. Но если она творила что-то, противоречащее материным понятиям пристойности, то объединялась с отцом, который, как дважды два, мог доказать бывшей жене, что дочь поступила из лучших побуждений. Единственным человеком, который видел Алену насквозь и с которым невозможно было достичь никакого компромисса, была бабушка. У внучки с ней сложились своеобразные отношения, вроде соблюдения пакта о ненападении. И чем старше становилась Алена, тем теплее становились их отношения. Возможно, внучка просто доросла до той планки, которую ей изначально установила бабушка-генерал. Девочка умела постоять за себя, была решительна и отличалась от многих своих сверстниц умением выстраивать длинные логические причинно-следственные цепочки. Около Алены вечно крутились молодые люди, не только из института. Она знакомилась с ними на улице, в метро, в

кино, в кафе, соглашалась прийти на свидание и... забывала об их существовании на следующий день. Она была настоящей маленькой женщиной, которая знает себе цену, знает, чего хочет, и прямо идет к своей цели.

Ипполит был явно инородным телом в маршруте этого «миноносца» в юбке.

«Почему она выбрала этого... этого... не знаю кого? Ведь вместе с ней учатся вполне приличные молодые люди! Самодостаточные, представительные. Может быть, прав Генка, когда говорит, что она не должна вмешиваться в жизнь дочери и что своей излишней опекой только хуже делает?»

«Но ведь если я сделаю пару звонков и попытаюсь хоть что-нибудь узнать об Аленином трофее, это же не опека», – сама с собой беседовала Марина. Ее телефонная книга хранила координаты друзей и подруг дочери – так, на всякий случай. Вот этот случай и пришел. Она позвонила Веронике, с которой Аленка продолжала дружить еще со школы, но та понятия не имела о существовании парня по имени Ипполит. Тогда Марина набрала номер Стаса, однокурсника дочери, чаще других приходившего к ним в гости.

– Стас, Алена мобильный телефон дома забыла. Она сейчас не с тобой? – начала она издалека.

– Добрый день, Марина Петровна. – Мальчик был, как всегда, вежлив. – Нет, мы иностранным занимаемся в разных группах. Ей что-нибудь передать?

– Нет-нет. Я сейчас заеду и привезу ей телефон. А кстати,

скажи, ты ничего не слышал об Ипполите?

– А разве вы его не помните? Он же с нами учился на младших курсах.

– А сейчас не учится?

– Ну, он такой крутой стал. – И в голосе Стаса появилась какая-то ироническая нотка. – Живет во Франции, потому что здесь жить негде. Марина Петровна, вы извините, но мне надо уже бежать на лекцию. Всего доброго.

– Да-да, конечно. – В задумчивости Марина долго держала мобильный телефон в руке... И что все это значит?

... «Крутой» мальчик проснулся к обеду. Прошлепал босыми ногами в туалет и обратно, включил в своей комнате телевизор... Похоже, что он решил там окопаться до прихода Аленки.

– Полечка, – вдруг услышала Марина непривычно сладкий голос матери. – Ты бы вышел, позавтракал.

Мать верна себе: молодые люди всегда были ее слабостью.

«Завтрак он уже проспал», – съехидничала про себя Марина и решила все-таки предоставить «Полечке» возможность пообщаться с бабушкой, утолить молодой голод, а уж потом где-нибудь на нейтральной полосе, например у туалета, и прихватить его для разговора... Пока Аленка не пришла...

Когда юное создание отправилось на балкон подышать свежим воздухом, Марина решила начать разведывательную

операцию.

– Ипполит, ты не против поговорить?

В ответ только взмах длинных ресниц вокруг безмятежно открытых глаз.

– Объясни мне, что у тебя за история с работой.

Тонкие изящные пальцы забарабанили по перилам балкона...

У нее было такое ощущение, будто она пробирается сквозь густую разросшуюся изгородь шиповника, как у них на даче. Пахнет одуряюще, но все в колючках и ногу поставить негде.

Пол мычал и молчал в ответ на ее вопросы. Чем больше она слушала его односложные спотыкающиеся ответы, тем тоскливее ей становилось. Парень производил впечатление полного инфантила. Есть квартира, но в ней живет кто-то другой, учился в институте, но бросил. Два года назад призвали в армию, но отправили на докорм по причине дистрофии призывника. На работу в приличную фирму, где есть отдел кадров, не берут, так как нужен военный билет, а его у мальчика нет... Кто живет в квартире? Почему бросил учебу? Почему никто не позаботился о том, чтобы парень получил хоть какую-нибудь профессию?

– погоди, а как же ты жил все это время? – пыталась Марина выудить из разговора хоть что-нибудь конкретное.

– Так... – И опять взмах длинных ресниц и стук тонких пальцев по перилам.

– А что ты умеешь делать? – не сдавалась Марина. – Я попытаюсь найти тебе работу через своих знакомых. Но я должна знать, в каком направлении хоть искать-то...

– На гитаре могу играть. – Наконец зять сказал что-то конкретное, но оно не годилось, и она это не засчитала.

– Это для отдыха хорошо.

– Вина различать... – Разговор его явно тяготил.

– Что за бред! Этим деньги не зарабатывают.

– Вообще-то у меня права есть, правда... Я до Франции водил машину матери...

Больше поговорить не удалось: на балкон вышла бабушка с ворохом новостей, только что услышанных по радио. Она торопилась объяснить молодым, в какой стране они живут и какую страну потеряли по причине своей полной политической безграмотности. Наступало время Б, и Марина решила уйти на работу. В ее дизайнерском агентстве тоже не обойтись без разговоров, но все же они так не раздражали. Опять же можно было сделать пару звонков, чтобы переговорить с друзьями о возможном трудоустройстве зятя.

Но сначала нужно было рассказать им о его существовании, вернее, внезапном появлении. За всеми переживаниями и хлопотами по устройству молодых Марина совершенно упустила из виду, что нужно как-то поставить в известность общество о своем новом статусе тещи. Ее «общество» состояло из нескольких подруг и любовника.

Когда ей хотелось душевной теплоты, она шла к Тать-яне.

Когда ей необходима была большая доза эстрогена, она шла к Алле. Когда ей нужен был разбор полетов и подтверждение правильности ее педагогического пути, она отправлялась к Юлии. А когда она вообще ни о чем не хотела думать, она отправлялась к Валентину.

Татьяна, искусствовед, одна воспитывала дочь, помощи ни от кого не ждала и не получала. Никогда не теряла чувства юмора, оптимизма и душевности – к тем, кого любила. Как-то в ее галерею современного искусства случайно попал финский бизнесмен. Увидев пышные формы гида Татьяны, влюбился и каждый день мужественно постигал глубокий смысл современной живописи (с ее помощью), пока наконец не пригласил на первое свидание. Роман был бурным, но коротким. Бизнесмен через месяц улетел, а у Татьяны открылся талант: она вдруг увлеклась керамикой и стала лепить из глины такие оригинальные вещицы, что в Лавке художника они распродавались влет. «Жить стало легче, жить стало веселей».

Алла была заказчицей Геннадия. Как-то он собирался в очередную командировку, а ей загорелось переделать интерьер спальни. Вот тогда-то Гена порекомендовал ей Марину как дизайнера, «который с блеском осуществит все ваши пожелания». Алла, очень красивая, натуральная блондинка, очень ухоженная, очень обеспеченная, уверенная в себе женщина, «работала» женой Олега, занимавшего высокий пост в какой-то международной корпорации. Марина была всего

лишь симпатичной, вечно спешащей на работу или к заказчикам разведенной женщиной, которая не могла позволить себе личного стилиста, парикмахера, маникюршу и еще кучу специалистов, призванных лелеять и холить женское тело. Ее заработка хватало лишь на то, чтобы обеспечить сносную жизнь своему малочисленному семейству. Тем не менее Марина и Алла находили общение друг с другом приятным и взаимопользным.

Юлия работала старшей медсестрой в районной поликлинике, была воплощением благоразумия и надежности. Она рано и очень удачно вышла замуж, воспитывала двоих сыновей и мужа, всегда точно знала, что и кому нужно для счастливой жизни, и не испытывала, как Марина, сомнений в правильности избранного ею пути.

Общественность к изменившемуся семейному статусу Марины отнеслась благосклонно.

«Маришка, а ты знаешь, как сейчас трудно выйти замуж за нормального мужика? А ваш не пьет, не наркоманит, не дерется, да еще хорошенький какой. Я их видела с Аленой – картинка, а не пара. А какими глазами он на нее смотрит! У меня аж сердце защемило. Теперь и ты можешь свою судьбу устраивать», – порадовалась за подругу Татьяна.

«Да отправь ты их на съемную квартиру. Она получит по полной программе от него и его проблем и через месяц разведется», – посоветовала Алла.

«Ты, главное, не вмешивайся, пусть сами строятся», – ска-

зала ей Юлия.

Больше всех ликовал Валентин: «В квартире образовалось три семьи: ты, бабушка и молодые. Это же Бородино! А давай-ка ты ко мне перебирайся. Хоть на старости лет проживем в свое удовольствие!»

Валентин был хирургом-стоматологом и работал в отделении челюстно-лицевой хирургии. Там Марина с ним и познакомилась.

Как-то у нее дико разболелся зуб под коронкой, она отправилась на консультацию к своему врачу. Та обнаружила в десне кисту и сказала: «Вам нужно делать резекцию корня. Если вы хотите сохранить зуб, да еще глазной, и не заниматься перепротезированием, вам поможет только классный специалист. Я такого знаю, – и на клочке бумаги написала номер телефона и имя: Валентин Юрьевич Скурихин. – Сошлитесь на меня, а то к нему очередь на полгода вперед».

Марина позвонила Скурихину, объяснила ситуацию, что «дизайнер, что работает с людьми, что ждать не может, что хотелось бы сохранить лицо и дикцию и...». Он прервал поток ее торопливых фраз глубоким баритоном:

– Завтра в десять утра после врачебной конференции ждите в отделении.

– А-а...

– У нас у всех на карманах бейджики с именами. – И, хохотнув совсем неофициально, предупредил: – Меня трудно не заметить.

Он был прав: когда мимо нее шли участники закончившейся врачебной конференции, на кармане халата самого крупного, высокого, усатого, бородатого, загорелого и бело-зубого мужчины висел бейджик с именем: Валентин Юрьевич Скурихин. Поймав на себе его взгляд, Марина сделала движение навстречу.

– Это я вам вчера звонила, – представилась она и подумала, что сказала глупость: ему вчера, как и сего-дня, и завтра, могли звонить десятки женщин. Но он, по всей вероятности, уже привык к глупостям людей, страдающих от боли, поэтому был краток.

– Снимки захватили? Хорошо. Идемте со мной. – И легко для своего роста и веса зашагал по коридору, не интересуясь, успевают за ним или нет. Открыл дверь ординаторской, пропустил Марину вперед, пристроил на специальный экран с подсветкой снимки ее многотрадальной челюсти. Объяснил доходчиво и подробно, что с ней происходит и что он собирается делать. Но... сам остановил поток своего красноречия:

– Стопроцентную гарантию дать не могу, слишком глубокий маргинальный процесс. Так что вы решили? Согласны на операцию?

Она хоть и не понимала, что значит маргинальный процесс, была согласна. А куда, вернее, к кому ей еще обращаться? Он поднялся со стула, сразу став выше ее на голову, посмотрел в глаза:

– Значит, в понедельник утром приходите, оперируемся. Немного отдохнете и в этот же день уйдете домой.

С утра понедельника ее бил мелкий озноб и одолевали обычные для человека, который лишь приблизительно знает, что с ним будут делать, страхи и сомнения. Она очень боялась за глазной нерв, начитавшись в Интернете, что подобные операции делаются иногда в присутствии окулиста.

...Скурихину ассистировала только медсестра. Она помогла Марине убрать волосы под косынку, посадила в кресло, до горла закрыла простыней и пригласила доктора. Скурихин обработал ее щеку спиртом, предупредил:

– Сделаю несколько обезболивающих уколов. Остальное вы не почувствуете. – Положил ей на голову крупную ладонь, посмотрел в ставшие огромными от расширившихся зрачков глаза, мягко сказал: – Мы с вами все сделаем хорошо, да?

Она в ответ лишь закрыла на секунду веки. От него исходила такая уверенность и сила, что она успокоилась. Голова стала легкой и пустой. Его лицо было очень близко, и она уловила аромат его дыхания. Он ей понравился. В вырезе его докторского халата курчавились волосы на груди. Она захотела их коснуться. «Обычная история, – сказала себе трезвая Марина, – пациентка влюбляется в доктора-спасителя». Марина же, у которой кружилась голова от близко дышащего мужского лица, подумала, что уже сто лет ни один мужчина не возбуждал ее так сильно. Трезвая Марина сказала пустоголовой Марине: «Ты что, с ума сошла? Ты помнишь, сколь-

ко тебе лет?» «Помню, – ответила пустоголовая, – примерно как черепахе Тортилле, но я готова сидеть под его скальпелем сутками и чувствовать на себе его дыхание», – и глупо захихикала. «Я и не знала, что ты мазохистка», – безапелляционным тоном поставила диагноз трезвая.

Операция заняла всего час. Марина так и просидела не шелохнувшись, сцепив руки под простыней.

Судя по отдельным словам, которые произносил Скурихин, разговаривая сам с собой, он был доволен своей работой... и Мариной тоже. Наложив на десне последний шов, он, как маленькую, погладил ее по голове, похвалил:

– Молодчина!

И, оставив на попечение медсестры, вышел из маленькой операционной.

... Через неделю Марина явилась к нему на контрольный рентгеновский снимок – улыбающаяся, счастливая, довольная тем, что лицо встало на место, что боли не мучают, и вручила подарок, сверху положив свою визитку:

– Надумаете обновить дизайн интерьера, я к вашим услугам...

Он позвонил на следующий же день, и они отправились в какой-то ресторанчик. И хотя они в самом начале перешли на ты, их встреча была несколько напряженной, как бывает, когда люди думают одно, а говорят другое, и от этой двойственности становятся еще более скованными и неестественными. Они больше молчали, чем говорили; они не танцева-

ли, хотя могли бы, так как в ресторане играл свой оркестр; они могли бы посидеть еще, но он сослался на предстоящий операционный день; они почти не разговаривали в машине, когда он отвозил ее домой. Она была в отчаянии: первый раз в жизни мужчина, который ей безумно нравился, остался к ней равнодушен. Они уже попрощались, она уже взялась за ручку дверцы машины, как неожиданно для себя сказала:

– Я хочу, чтоб ты знал. Не имеет значения, захочешь ли ты увидеть меня еще раз, но я всегда буду думать о тебе...

Рациональная Марина была в ужасе. «Что ты делаешь? Уйди с достоинством! У тебя крыша поехала?» – увещевала она сорвавшуюся с катушек влюбленную Марину, но та, кажется, ее не слышала и, дергая неподдающуюся ручку, продолжала говорить молчавшему мужчине:

– ...Я всегда буду думать о тебе, о том, что ты есть, ты кому-то улыбаешься, сочувствуешь, жалеешь...

Ручка дверцы упрямо не поддавалась. Вечно она не в ладах с этими механизмами. Наконец дверца машины открылась, Марина на прощание провела рукой по щеке Скурихина с наметившейся светлой щетиной, вышла и почти побежала к своему подъезду.

– Марина, вернись. – Ей показалось, что голос его звучит непривычно жестко. – Пожалуйста.

Медленно она двигалась к машине, он стоял в полный рост, открывая заднюю дверцу.

– Сядь, – почти толкнул ее на заднее сиденье, обошел ма-

шину с другой стороны и сел рядом. – Не нужно заворачивать меня в целлофан и ставить на постамент. Я живой человек... Я возжелал тебя, как только ты закрыла глаза и подставила свое лицо под операционную лампу. Я подумал, что это лицо и эти губы нужно целовать, а не уродовать медицинскими инструментами. Неужели ты это не почувствовала?

– Я решила, что мне это показалось. Я чувствовала твоё дыхание на своём лице. Мне нравилось, что ты так часто дышишь, открытым ртом, мне нравился твой запах. Понимаешь? Впервые за много лет мне приятно было чувствовать близко на себе дыхание мужчины.

– Так? – Снова, как во время их первой встречи, его рот оказался рядом с её губами, но только теперь его не скрывала операционная марлевая маска. Ответить она не успела, потому что губы их сомкнулись.

...С того вечера прошел год, как они были вместе.

Глава 3. Лечение и трудоустройство зятя

Общественность обещала помочь с поиском работы для появившегося родственника. Но первым откликнулся ее бывший однокашник Сашка Федоров, владевший небольшой фирмой по грузоперевозкам. Послушав ее сетования на жестокость кадровиков, предложил свою помощь.

– Пусть ко мне подойдет, – сказал он Марине. – Если твой зять, как ты говоришь, водитель, я его возьму.

Обрадованная, что так быстро удалось решить проблему, она вечером передала мальчику-зятю адрес, по которому нужно было явиться утром. Увы...

– Марина, ты что, смерти моей захотела? – кричал ей на следующий день по телефону возмущенный Сашка. – Мне еще детей своих поднимать надо.

– Что случилось, Саша? – встревожилась новоиспеченная теща.

– А то, что из-за твоего Пола я чуть не обо... в общем, с ним только в памперсах ездить можно, – решил он не разукрашивать подробностями свой комментарий случившегося.

– Ты ему отказал? – сразу решила уточнить Марина.

– Конечно, отказал. Я не самоубийца! Он, наверное, уже дома. Так что можешь у него подробности узнать.

Господи, а она-то обрадовалась, что так быстро все сумела устроить! Опять все сначала? Но прежде надо узнать причину воплей бывшего однокашника. От Ипполита она так ничего и не добила, а вечером позвонила Сашкина жена – Лариса, пригласила в гости «чайку попить».

С Федоровым они дружили лет с четырнадцати. Сашка, в отличие от многих одноклассников, всегда знал, кем он хочет быть – водителем. Учился он на тройки, но лет в двенадцать стал с помощью отца осваивать вождение автомобиля и лечение его «внутренностей». Учительнице математики, которая уж особенно шпыняла его за нерадивость, пообещал: «Когда окончу школу, Надежда Степановна, подъеду к крыльцу на „Волге“ и вас покатаю». И он действительно так сделал: в день выпускного письменного экзамена по математике серая старенькая «Волга», подаренная Сашке отцом на восемнадцатилетие, ожидала учительницу. Сашка сдержал свое обещание, довез математичку до дома и первым из одноклассников ушел служить в армию.

Вернувшись, стал помогать отцу в автомастерской, занялся грузоперевозкой, а потом открыл свою фирму. Но по неопытности так повел дела, что ему пришлось заложить квартиру, чтобы выбраться из долгов. В это время Сашка уже женился и у них с Ларой родился первенец. Марина подняла на ноги всех знакомых ребят, они собрали нужную сумму, и Сашкина квартира осталась в целости и сохранности. Теперь, когда Сашка собирался проворачивать особо риско-

ванную сделку, Лара звонила Марине и просила «повлиять».

– Ларочка, – успокаивала ее Марина, – с этим ничего невозможно сделать. Это натура такая. И потом, он же не дурак, второй раз семью не подставит. – И оказывалась права. Сашка рисковал, но с умом.

Поэтому когда приятель сказал ей, что Ипполит как водитель – рискованное приобретение, она поняла, что так оно и есть.

– Ну, рассказывай, что у вас там произошло? – привычно надевая гостевые шлепанцы в уютной квартире Федоровых, поинтересовалась Марина и прошла к уже накрытому Ларой «чайному» столу.

– Да ничего такого, Маринка, не произошло. Кофе сама сыпь. Это вот Лара делала печенье. Машину он не знает, водить не умеет... С места газует... Его еще учить и учить, а у меня на это ни времени, ни средств нет. Ну что я тебе объясняю... – с виноватым видом говорил Федоров. Похоже было, что молчаливая Лара еще до прихода Марины уже обвинила его во всех грехах, зная, что муж скор на непродуманные решения. – Если он непременно хочет стать водителем, пусть поищет место в автомастерской, а там и подучится, – посоветовал приятель. – Так-то парень он неплохой. Я понимаю, что ему деньги нужно зарабатывать... Но не могу, поверь, не могу брать к себе непрофессионала.

Марина понимала, что Федорову неудобно перед ней. Получалось, что в трудную минуту он не может помочь. Но она

не собиралась из-за зятя, который сегодня есть, а завтра – нет, подвергать риску свои отношения со старинными друзьями.

– Саш, ты меня тоже извини. Ведь получается, что я тебе непроверенную информацию дала, понадеявшись на мнение мальчишки о собственных возможностях.

Потом они стали обсуждать дачные дела, так как были еще и соседями по садоводческому кооперативу, и к концу вечера недовольство друг другом растаяло.

Отогревшись за разговорами на кухне Федоровых, Марина решила продолжать поиски работы для зятя. Она вернулась в уже сонную квартиру, тихонько пробралась в свою комнату. Листая записную книжку, она выбирала знакомых, которые могли бы помочь найти что-нибудь приличное «для молодого человека двадцати лет от роду, инфантильной внешности и характера, без специальности и без особого рвения к работе». Понятно, что агентство, где она работала, не годилось абсолютно, а вот ее заказчики, в основном люди среднего и высокого достатка – либо владельцы фирм, либо занимающие руководящие должности на предприятиях в разных отраслях, – это был вариант. Сейчас она составит список и завтра начнет обзвон... А можно еще написать резюме, немножко приврать, чтобы добиться приглашения на собеседование... может... кто-нибудь... Она так и заснула с телефонной книжкой в руках... Ночник выключить было лень...

Через неделю утром дочка вышла из дома под руку с мужем: Ипполит сам нашел работу. Вечером того же дня Аленка кричала в телефонную трубку: «Пол, ты где? Плохо слышно». Часам к восьми вечера Ипполит вернулся. Из обрывков разговоров, доносившихся с кухни, Марина поняла, что, поверив молодому человеку на слово, в какой-то частной конторе ему дали машину с продуктами в обмен на паспорт. Продукты он отвез, получил за них деньги, но обратно в контору не вернулся, так как запутался в дорожной развязке на мосту и попал в незнакомую часть города. Пока разбирался, где он находится и как выбраться, потратил бензин. Его нашли второй машиной, привезли другого водителя, побили и велели больше не появляться.

Утром следующего дня Марина застала зятя на кухне, катающего яйцо по вздувшейся щеке.

– Это что? – с дежурным участием поинтересовалась она.

– Аленка сказала, помогает, – прошамкал зять.

– От чего?

– Зуб болит.

– Судя по твоему виду, надо не яйцо катать, а в поликлинику идти, – посоветовала она, готовя себе кофе.

– Не пойду... – помотал он головой – то ли от боли, то ли подкрепляя отрицательный ответ.

– Боишься?

– Нет.

– Думаешь, так пройдет?

– Нет.

– У тебя полис есть?

– Нет.

– И денег у тебя нет, – закончила она допрос. – Так, теперь понятно... – Последнюю фразу она скорее адресовала себе, чем зятю.

Она собиралась ехать на встречу с заказчиком, но поняла, что ее придется отменить. У зятя просматривался ярко выраженный, даже, скорее, выпученный флюс. Ей придется вести его в платную поликлинику, так как в районной никто с ним разговаривать не будет: медицинского полиса-то у него нет! Можно было бы, конечно, обратиться к Валентину, но она решила, что слишком жирно будет тратить время специалиста экстра-класса на зятев флюс.

– Давай одевайся, пойдем, – решительно скомандовала Марина.

Он вяло посопровтивлялся, но, видимо, боль была сильная, так как в конце концов парень обреченно поплелся за энергичной тещей на автобусную остановку. Зять все время ворочал головой, очевидно, пытаясь найти наиболее удобное место для своего флюса. Потом все-таки нашел, положив щеку на приподнятое плечо. Так он походил на птенца-переростка со слабой шеей. Она представила, как, наверное, комично они выглядят со стороны: невысокая энергичная дама средних лет в стильном полупальто, с небрежно уложенными под

заколку светло-русыми волосами в сопровождении вяло плетущегося молодого человека в длинном свободном толстом свитере.

В автобусе Марина села у окна, оставив зятя на задней площадке. Ей видна была часть нежной, почти без видимой щетины, щеки и небольшое изящное ухо. Вдруг это ухо заполыхало ярко-малиновым цветом. Марина решила, что у парня резко поднялась температура от флюса. «Не рухнул бы ненароком... Мужики все такие хлипкие», – подумала она и решила перебраться к молодому человеку поближе. Но, встав с сиденья, увидела картину, которая заставила ее еще быстрее двигаться на помощь Полу. Около Ипполита, почти прижимаясь к нему, стоял высокий парень и, делая вид, что тянется к поручню, старался погладить тому бедро.

«Блин, что делать-то? – разговаривала сама с собой Марина. – А если бы это была твоя дочь, ты бы что сделала? А в крик и в шею. Ну, так и действуй».

Марина приблизилась к гею и зашипела в шею:

– Голубь сизокрылый, если ты моего сына сейчас в покое не оставишь, я оставлю у себя в руках твоего «мальчика». Ты меня понял?

«Сизокрылый голубь» недовольно двинул костлявым плечом и отодвинулся от Пола.

– А может, ему приятно? Чего ты вмешиваешься?

«А может, ему действительно приятно, – вдруг подумала Марина. – А как же тогда Алена?» Она чувствовала, что у

нее самой поднимается температура, но настойчиво продолжала отталкивать «голубя» от Пола. Так, троицей, они вывалились на автобусной остановке. Случайный ухажер ретировался в другую сторону. По дороге в поликлинику теща с зятем молчали и эпизод не обсуждали. До самого врачебного кабинета его трясло то ли от страха, то ли от озноба. После обезболивающего укола он сидел в коридоре, меняясь в лице от белого до бледно-зеленого цвета. У него был такой несчастный вид, что вся Маринина злость на мальчишку ушла куда-то. Ей было просто жаль его.

На обратную дорогу ей пришлось заказать такси, поскольку, лишившись зуба, Ипполит лучше себя не почувствовал. Остаток дня за «бедным мальчиком» ухаживала бабушка-генерал, а Марина вдруг обрадовалась пришедшему бывшему мужу. Ей хотелось обсудить с Геней мучивший ее вопрос: почему Аленка, такая умница, выбрала *этого* ?

– Мариша, а что ты в конце концов хотела на выходе получить? – рассуждал ее бывший муж, устроившись на диване в своей любимой позе – вытянув на километр ноги по полу. – Вы же ее с матерью так затерроризировали, что она искала для себя нечто вам противоположное. Парень он добрый, тихий, с поучениями не лезет, смотрит на нее влюбленными глазами, психоанализом не занимается. Она принесла домой то, чего у нее не было. Может быть, потом она поймет, что мужчина может быть другим.

– Гена, сокол мой рекламный, ты стал философом?

– С вами еще не тем станешь...

– Наверное, ты прав, – согласилась Марина, – только я не знаю, как помочь. Как только я вмешиваюсь, хуже становится.

– А ты не лезь, не нарушай баланс, – посоветовал Гена, рассматривая в это время свои ноги в домашних тапочках. – Они сами разберутся. Ты только мысленно представляй, что у них все хорошо.

– Ты никогда так со мной не говорил...

– Наверное, я постарел и стал принимать жизнь такой, как она есть.

Неожиданно и незаметно для себя Марина притулилась к плечу бывшего мужа, потерлась об него, как кошка, пристраиваясь к месту, а потом вдруг спросила:

– Ты не помнишь, Гена, почему мы развелись?

– Вредная ты была очень и глупая, – философски ответил Геннадий, приобняв бывшую жену за плечи. Они посидели молча. Марина все-таки решила отреагировать совершенно умиротворенным, задумчивым и несколько отрешенным голосом:

– Да, а ты был умным ученым кобелиной...

Гена привычно снял руку с Марининых плеч, промычал что-то неопределенное и засобирался домой.

Глава 4. Разговор с дочерью

Оставшись одна, Марина вспоминала, как складывались ее собственные отношения с родителями. Возможно, в прошлом кроется причина ее чрезмерных переживаний за будущее дочери?

* * *

...Ее родители – Анна Георгиевна и Петр Гаврилович – были геологами. Поэтому Марина и ее младшая сестра Нина росли, как раньше говорили, «детьми с ключами на шее». Маленькими они умели разогреть обед, приготовленный бабушкой, потом научились готовить сами, решали, как использовать продукты, оставленные им родителями в холодильнике, а повзрослев, сами стали ходить по магазинам. Сколько Марина себя помнила, отца она всегда видела урывками, а мать была с ними до тех пор, пока младшей – Нине – не исполнилось три года. Как только девочки начали ходить в детский садик, мама оставила их на попечении бабушки и уехала с отцом в очередную экспедицию. Когда Марине исполнилось пятнадцать, а Ниночке тринадцать, бабушка умерла, но мама не захотела менять свой график полевых работ. Сразу же после похорон она снова уехала вместе с отцом. Так впервые Марина почувствовала ответственность не

только за себя, но и за сестренку, а еще испытала чувство одиночества и обиды на мать. Она поклялась себе, что выберет такую профессию, которая позволит ей всегда быть дома, чтобы ее дети не страдали от одиночества.

Единственное, что она унаследовала из профессиональных пристрастий родителей, – любовь к камням. Отец с матерью привозили из экспедиций потрясающей красоты кварцы и яшму, сердолики и кусочки малахита. Отец собрал огромную коллекцию минералов и позднее подарил ее кафедре геологии одного из периферийных институтов. Но самые красивые и редкие экземпляры он оставил дома. Красота камней не привела Марину в геологию, но заинтересовала законами совершенства, и она решила стать дизайнером.

Анна Георгиевна, «согласно требованиям возраста», раньше мужа стала жить оседло и занялась преподавательской деятельностью. Кроме того, она, видимо, считала, что должна восполнить пробелы в воспитании дочерей, образовавшиеся во время ее отсутствия. Но, оставшись дома, обнаружила, что они уже стали взрослыми и в ее советах и помощи не нуждаются. Старшая – Марина – была слишком самостоятельна, решительна и независима. И хоть часто сидела дома – за своими рисунками и эскизами, – поставила между собой и матерью такую стену отчуждения, что пробить ее было невозможно. Младшая дочь – Ниночка – пользовалась бешеным успехом у противоположного пола, а посему дома бывала редко. Нина, благодаря стараниям Марины мало

страдавшая в детстве от отсутствия заботы и опеки, пошла по родительским стопам и после окончания института уехала на работу в Новосибирск, там вышла замуж и присылала теперь раз в год, под Рождество, поздравительные открытки.

Когда Марина собралась замуж, Анна Георгиевна сочла необходимым напомнить ей о семейных традициях клана Васильевых. За день до регистрации брака она торжественным тоном сообщила дочери:

– Помни, Марина, женщины нашей семьи выходят замуж только один раз – и навсегда. Если будете ссориться, не ищи у меня сочувствия и не ходи ко мне прятаться от мужа. Я этих ваших молодежных штук не понимаю.

«Как будто я когда-то тебе жаловалась», – подумала Марина.

– А если вздумаешь разводиться, – продолжала мать безапелляционным тоном, – то знай, что я тебя не приму.

«Ну-у, надеюсь, до этого не дойдет», – самонадеянно решила Марина, а вслух сказала:

– Спасибо, мама, за благословение и четкие очертания моего светлого семейного будущего.

На том и расстались.

На следующий день Марина с Геннадием, расписавшись в районном загсе, уехали отдыхать в Прибалтику. Юрмала, Паланга, Клайпеда, Рига, Вильнюс, Таллин – стандартный по тем временам маршрут, о котором она часто вспоминала да-

же через много-много лет. Они были молоды, счастливы и любили друг друга. Она купалась в его восхищении и обожании и даже забыла о своем главном недостатке, который скрывала с того самого дня, когда подростком смогла критически оценить свою внешность и фигуру. У Марины были слегка кривые ноги, и она всегда носила длинные юбки, чтобы скрыть это. Геннадий ее успокоил: «У вас, мадам, пикантная французская кривизна. По-моему, это даже сексуально. Долой монашеские наряды. Идем покупать новую юбку». И она действительно носила короткие юбки, пока жила с Геннадием. Развод заставил ее трезво взглянуть не только на свою внешность, но и на возможность содержать себя и дочь.

Она помнила предупреждение матери и, расставшись с мужем, продолжала жить на их съемной квартире. Потом нашла работу школьного преподавателя в придачу с комнатой в коммуналке. Школа находилась в огромном старинном здании. Большая его часть была занята учебными классами, а меньшая состояла из небольших квартир, в которых жили технические сотрудники и преподаватели школы. Марина получила великолепную квадратную комнату на шестом этаже, так как обещала директору выполнять не только функции учителя рисования, но и дворника. Дочка училась здесь же. К этому времени в квартире Васильевых остались только двое: Анна Георгиевна и Петр Гаврилович. Марина приходила к ним в гости, заботясь о том, чтобы дочь, невзирая на сложные отношения взрослых, получала положенную ей

долю бабушкиной и дедушкиной любви.

Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы однажды в Маринин школьный скворечник не пришел отец. Он попил чайку, послушал все внучкины новости, похвалил уют и тепло в комнате, а на прощание сказал:

– Маришка, ведь девочке скоро отдельная комната понадобится. Ну, доказала ты всем и матери, что имеешь характер. Хватит уже, возвращайся домой. Ты не видишь, а я-то знаю, что Аннушка извелась. Но ведь и у нее характер-то, сама знаешь, непростой, она тебя просить не станет... Скорее, вся высохнет от тоски. Подумай, головой подумай, не сердцем. Есть ли у тебя здесь будущее? Есть ли у тебя здесь время на то, о чем ты мечтала? Я видел тебя, когда ты лед скалывала с тротуара. Я не уверен, что после такой работы остаются силы на творчество... Подумай, Маришка, о себе, о дочке, обо мне... Я ведь тоже скучаю. Я ведь так радовался, что дедом стал, а внучку вижу редко.

– Пап, не жди от меня сейчас ответа, ладно? Я подумаю. – Марина была растрогана признанием отца. Значит, он приходил сюда, и не один раз, чтобы посмотреть, как она тут метлой машет. Уж наверное, ему это зрелище удовольствия не доставило.

Она смотрела, как он спускается вниз по лестнице, и представила, каких трудов ему стоило к ним забраться на шестой этаж, с его-то больными ногами! У нее вдруг защипало глаза, перехватило дыхание, и она побежала за ним, догнала на

лестничной площадке, обняла за плечи:

– Пап, пожалуйста, прости меня. Я постараюсь... вернуть-ся. Вот только учебный год закончится... Аленку тоже ведь не хочется срывать с места...

Отец похлопал ее по руке, сказал:

– Я всегда знал, что ты разумная девочка.

Вот так Марина с Аленой вернулись в отчий дом.

...Марина очень любила отца, хотя видела его редко. Он возвращался из своих экспедиций загоревший до черноты, бородатый, с веселыми глазами и подхватывал на руки их с сестренкой, верещавших на все лады: «Папа приехал!» С его приездом дома становилось просторнее и веселее. К нему приходили друзья, они что-то обсуждали, а маленькая Марина стояла за шторкой у двери тихо, как мышка, и наблюдала за большими бородатыми дядями, которые обращались к ее отцу «Гаврилыч» и называли удачливым геологом.

Однажды ее наблюдательный пункт был обнаружен бабушкой, и та велела отцу закрывать дверь кабинета, чтобы «дите не слышало аполитичных разговоров».

Повзрослев, Марина поняла, в чем был секрет отцовского обаяния и притягательности: он знал и принимал людей такими, как есть, не пытался перевоспитывать и поэтому не испытывал разочарований.

К сожалению, все, или почти все, закончилось со смертью отца. Мать почернела от горя и превратилась из статной, слегка полноватой дамы в худенькую женщину с высо-

кой прической из седых волос. У нее оставались еще хорошо поставленный голос с четкой дикцией и уверенный взгляд голубых, правда, уже чуть повыцветших глаз. Мать стала часто болеть и все чаще учить молодых жизни. Увы, с возрастом наши характеры не улучшаются. Подругам, которые иногда поражались Марининому терпению и предлагали сдать мать в дом престарелых, она отвечала:

– Девочки, неизвестно, какие мы с вами в этом возрасте будем, если доживем до ее лет, конечно. А потом, она же по стенкам дерьмо не размазывает и не спрашивает у меня, зайдя на кухню, здесь ли туалет. Она совершенно адекватна. Так что отвяжитесь.

...С тех пор, как стало известно, что Алена выиграла грант на обучение в Будапештском университете, дома установилась почти идиллическая атмосфера. Бабушка ходила на цыпочках, Аленка с утра до ночи готовилась к экзамену по английскому языку, а Ипполит заваривал ей кофе и готовил бутерброды.

Марину сильно расстроило непонятное ей дочерино замужество, но разговор с ней она откладывала, так как понимала, что Аленка запаслась неоспоримыми фактами и аргументами, чтобы убедить мать в правильности своего выбора. Гена тоже постоянно остужал ее пыл и просил не вмешиваться. Теперь же, после эпизодов с Федоровым и грузовиком, у Марины были контр-аргументы. Она не стала следо-

вать мудрым рекомендациям бывшего мужа и нарушила семейную идиллию, затащив дочку к себе в комнату.

– Алена, что у него с работой? – Прикрыв за собой дверь, она сразу приступила к принудительной (как называла такой стиль общения дочка) беседе.

– Ничего, ищет. – Коротким ответом Алена явно давала понять, что отчитываться не собирается.

– А как он ищет, если он дома все время сидит? – возмутилась Марина.

– Мама, ну ты же современная женщина! Должна знать, что в Интернете существуют сайты с биржами труда. Мы разослали резюме в несколько фирм. Если они их заинтересуют, то его пригласят на собеседование, – тоном учительницы начальных классов сообщила Алена.

– Знаю я эти сайты. Да у него скорее мышцы атрофируются, чем вы получите ответ! Я же предлагала ему хотя бы курьером начать в газете у моего приятеля. Там нет военного стола. А потом, может, что-то и другое подвернется. Ведь человек, когда долго не работает... ему уже трудно войти в какой-то ритм. Ему уже требуется помощь психолога.

– Он не может работать курьером, потому что ему придется ходить по улицам, в метро... А милиция к парням часто цепляется – и все, заметут.

– Ему сейчас двадцать, так? – гнула свое Марина. – Учиться он уже не хочет, на работу его не берут из-за этих неоформленных документов военкоматовских. Так это что,

еще лет восемь он у нас на шее будет сидеть? Зачем он тебе нужен? – наступала Марина на дочку и уже понимала, что разговор затеяла зря.

– Это тебе нужна помощь психолога! Мам, чего ты хочешь? – вскипела Алена. – Чем он тебе не нравится? Посмотри кругом, чем он хуже других? У тебя в агентстве каких только уродов нет: и курят, и пьют, и колются, а ты с ними возишься! Сю-сю-сю, Игорь талантлив! Сю-сю-сю, Петя чувствует цвет! Пол-то чем хуже их? – Дочка уже почти кричала в запальчивости.

– Он хуже тем, что приходится мне зятем, только и вся разница! И тем, что я вынуждена его содержать, и тем, что ни с того ни с сего должна терпеть чужого человека в доме!

– Мама, да ты в доме-то не бываешь! – с надрывом констатировала дочь.

– Как не бываю? – оторопела Марина.

– Да сколько я себя помню, меня бабушка всегда пасла. А ты то лекции в колледже читаешь, то у тебя встреча с заказчиком.

– А выходные...

– А в выходные ты у компьютера сидишь или к Валентинуходишь.

Чувствовалась папина закалка. Дочка ловко переводила разговор в другое русло, превращая мать из обвинительницы в обвиняемую. Ах, Геновы гены!

– Подожди-подожди, дорогуша, – попыталась Марина со-

хранить родительское лицо. – Мы начали с другого, мы говорили о том, что супруг ваш не соответствует занимаемой должности: не поит, не кормит и не помогает.

– Мы говорили о том, что меня он устраивает и что у меня нет времени на разборки, у меня английский. – Алена уже достигла спасительной двери из комнаты, оставив за собой последнее слово, а мать принялась искать в косметичке недавно купленные таблетки валерьянки.

Глава 5. Прозрение

...Как ни заняты были люди своими проблемами, весна, не спрашивая их, вступила в свои права. Соблазнившись ярким солнцем, свежей зеленью деревьев, Алена с мужем решили пойти в парк и «может быть, зайти в гости». «А то я совсем от этого английского одурела», – объяснила дочь свое решение выйти в свет. В кои-то веки Алена надела юбку. На ней был новый трикотажный костюм, привезенный отцом из очередной командировки. Закрывая за ребятами дверь, Марина подумала: «Татьяна права, действительно красивая пара».

Бабушка-генерал, как всегда, была на посту у окон с левым биноклем. Она смотрела удалявшейся паре вслед.

– Наш бутончик как тростиночка, а у Ипполитика, оказывается, широкие плечи.

«Боже, что делает с нами возраст!» – подумала Марина. До недавнего времени она не слышала от матери такого количества слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Ну-с, пока «бутончик Алenuшка» гуляет с «Ипполитиком», а бабушка наблюдает за прилегающей к дому территорией, можно сделать несколько звонков.

Марина понимала, что последние события привели зятя в состояние депрессии. Как бороться со стрессом и депрессией своей дочери или своей собственной, она знала. А вот как

помочь с такой бедой справиться два–дцатилетнему юноше – понятия не имела. Она взяла телефон из прихожей, заперлась у себя в комнате и стала срочно проводить заочный консилиум.

– Ну хочешь, я приду и разопью с ним бутылку вина? – предложил ей Гена. – Очень сильное средство. Хандру как рукой снимает.

Марина возмутилась:

– Гена, подумай еще, а не предлагай банальности.

– Ну, можно еще в баню сходить, попариться. Бегом трусцой заняться. Все гнилые мысли враз выветрятся.

– Можешь не продолжать, – остановила поток идей бывшего мужа Марина. – Я поняла, что тебе просто нужна компания. Все, Гена, спасибо за участие.

Юлия – вот кто ей поможет! Ведь у Прохоровых двое сыновей. Она быстренько объяснила подруге ситуацию и спросила:

– Как ты думаешь, может быть, взять его с собой в магазины, походить, посмотреть и купить что-нибудь из вещей? Джинсы или куртку?

– Мариша, да что ты! – посмеялась Юля. – Это для девчонок годится, а мальчишки пока сами в себе не переболеют, не передумают, толку не будет.

– Я слышала, что один тридцатилетний «мальчишка» пребывал в депрессии восемь лет и дошел уже до состояния бомжа, а потом «оправился» и стал известным художником. Ес-

ли ты о таких сроках говоришь, то меня они не устраивают.

– Честно говоря, у наших ребят стрессов не было. Павел их определил в спортивные секции, дома боксерскую грушу повесил. Если кто-нибудь из мальчишек расстроен чем-то или злой приходит, то они сами по этой груше лупят до одури. И вроде как все у них проходит. Наверное, у вас что-то другое должно быть...

Марина поблагодарила приятельницу и позвонила еще Валентину и Сашке Федорову, у которых тоже были сыновья. В результате всех консультаций у нее появился список наиболее популярных средств борьбы мужского населения с депрессией: выпивка, баня, секс, бег трусцой, боксерская груша, разговор по душам. Ни одно из этих средств Ипполиту не подходило, и она поняла, что ей требуется консультация специалиста. Она включила компьютер и после недолгих поисков нашла объявление о семинаре «Тонкости мужской психологии, или Как воспитывать сыновей». Занятия ведет кандидат психологических наук Тамара Павловна Рожкова.

Решено, завтра у нее относительно свободный день, и она выкроит пару часов, чтобы узнать, как помочь двадцатилетнему зятю.

Ну вот, с семейными делами на ближайшее время более или менее ясно, теперь можно и поработать. Но поработать Марине не пришлось...

– Марьяна, иди сюда! Скорее! – встревоженно позвала ее мать, до сих пор сидевшая с биноклем у окон.

– Мам, если ты опять будешь уточнять, кому принадлежит новая машина у нас под окнами, то я тебе заранее скажу: не знаю.

– Плевать мне на твою машину. Иди посмотри: наши возвращаются чуть ли не бегом, – почти крича, сказала ей мать и сунула в руки бинокль.

«Господи, ну что я делаю, мне ведь не семьдесят», – подумала Марина, но, сбитая с толку состоянием матери, поднесла бинокль к глазам. Ипполит с Аленой действительно шли очень быстро. Казалось, еще чуть-чуть, и они побегут.

– Ну мало ли, может, у кого-то из них от излишков кофе несварение желудка случилось, – успокоила себя и мать Марина.

– Подол юбки от несварения не отрывается, – зло сказала ей мать. – Какая ты невнимательная!

Ребята подошли еще ближе, и Марина увидела, что сбоку у Алениной юбки болтается кусок вырванной ткани. «Странно все это. Ну, да сейчас все выяснится». Бабушка-генерал меняла дислокацию, направляясь в прихожую. Через несколько минут щелкнул замок открываемой двери, и молодые люди оказались в прихожей.

Ипполит был таким же спокойным, каким он уходил из дома два часа назад. Алена часто дышала, лицо ее было мокрым от пота, глаза казались огромными и бездонными из-за расширившихся до границ радужной оболочки зрачков.

– Что случилось? – Марина старалась сохранять спокой-

ствие и чувство юмора. – За вами собаки гнались?

– Почти угадала, – делая глубокий вдох, сказала Алена. Ткнула в бок Ипполита и продолжала: – К нему милиция прицепилась, проверка документов. Пришлось бежать. Вот, – она взяла в руку клочок, оторвавшийся от юбки, – зацепилась за что-то! Можно все вопросы потом? Я хочу в душ. Я такая мокрая от страха, что аж противно.

Алена проскочила из комнаты в ванную с полотенцем и заперлась там. Ипполит собрался было пойти к себе, но Марина его остановила:

– Я вижу, тебе это не впервой? Ты даже не запыхался?

– Я хорошо бегаю. – Так и не подняв головы, он юркнул за спасительную дверь, зная, что Марина никогда в комнату к ним не войдет.

Марина никогда не прислушивалась к разговорам о службе в армии. Ее эта тема не интересовала. В юности она не мечтала, как некоторые из ее однокурсниц, выйти замуж за военного и не посещала танцевальных вечеров в военных училищах. В ее семье не было профессиональных военных – мужчины воевали во время Великой Отечественной (так кто ж тогда не воевал?). Об армии она знала только по нескольким советским фильмам вроде «Иван Бровкин на целине», «Лето рядового Дедова». Там все было весело и благопристойно: отцы-командиры, благородные офицеры, смышленные рядовые. И все друг другу друзья и товарищи. Разговоры

о дедовщине и других «прелестях» армейской жизни проходили мимо: у нее росла дочь.

Правда, в прошлом году ей пришлось потратить немало нервов и сил, чтобы помочь Юлии. Старший сын Прохоровых попал в отделение милиции во время призыва, хотя учился в вузе с военной кафедрой. Марина и звонила, и ходила к своему однокашнику Косте Малахову, занимавшему высокий пост в УВД, и просила его «выручить мальчика». Костя ей еще тогда сказал: «Марина, ну что ты лезешь в это дело? И меня втягиваешь! Ведь знаешь, что не люблю с военными связываться. И брось ты свои привычки палочки-выручалочки. Знаешь, как моя мать говорит? „Не делай никому добра, не получишь и зла!“» Костя побурчал-побурчал, а парня Прохоровых через сутки после облавы в своей машине привез домой...

Когда она увидела испуганную Алену с разодранным подолом юбки, мокрую от пота и с огромными, во все лицо, глазами, она поняла, что проблема, которую она старалась не замечать, уже вошла в дом. Ее дочь – жена дезертира, нет, не так – уклониста, так это, кажется, называется. Марина всегда была законопослушной гражданкой и пришла от своей догадки в ужас.

Как на экране монитора, в ее мозгу прокрутился маленький киноролик: ее Алена под руку с мужем прогуливается по весеннему бульвару, держа за руку годовалого сынишку. Их останавливает патруль, один из военных протягивает ру-

ку за документами Ипполита... Испуганное личико ребенка, потому что папа куда-то бежит, а ему вслед кто-то кричит...

Бред, наверное, но все-таки получается, что она в своем доме прячет человека, нарушающего закон! Это вам не дамское рукоделие, это уже мужские игры.

Прежде чем поддаться панике и вообще принимать какое-то решение, она всегда старалась собрать максимум информации. Она вспомнила про объявления «Юридическая помощь призывникам», расклеенные чуть ли не на каждом фонарном столбе, мимо которых она всегда проходила не останавливаясь. Скорее всего ей нужна консультация адвоката. Так ли все мрачно, как можно предположить?

В целях конспирации она отправилась в другую часть города. В приемной юридической консультации посетителей не было. Несколько «безработных» юристов обсуждали результаты последнего хоккейного матча. Но когда она сформулировала тему, на которую хотела бы побеседовать, ни один из них не пригласил ее в свой кабинет. Они переглянулись и хором объяснили: «Это у нас Пал Палыч знает, по коридору налево». Пройдя по каким-то закуткам, она добралась до восьмого кабинета, где сидел пожилой седой Пал Палыч и завершал телефонную беседу:

– Да, договорились. На суд я приду. Всего хорошего. Садитесь, пожалуйста. – Практически без паузы, отделявшей законченный разговор от предстоящего, пожилой юрист кивком показал ей на облезлый стул. – Я вас слушаю.

После сбивчивого рассказа Марины адвокат уточнил:

– Значит, вы не мать? Документы у него не оформлены...

Так-так-так... – Побарабанил пальцами по столу и внезапно спросил: – А вы хотели бы иметь внуков?

Марина удивилась предложению обсудить демографическую проблему, но, как воспитанный человек, тему поддержала:

– Рано или поздно они же все равно появятся.

– Если вы хотите сохранить семью вашей дочери, то лучше, если бы они появились рано, – многозначительно посоветовал Пал Палыч.

– Как это? – Она была совершенно сбита с толку.

– Да очень просто. Если рождается ребенок, то отец младенца получает отсрочку на три года. А за три года можно родить второго ребенка, а когда ему будет два–двадцать семь лет, то он призыву уже не подлежит.

– А как быть, если ребенка еще и в проекте нет?

– Он сидит дома до примерно шести-семи месяцев беременности.

– Своей?

– Ценю ваш юмор. Нет, жены. А потом идет в военкомат и предоставляет справку о том, что жена на таком-то сроке беременности. И его уже не призывают. Потом приносит справку о рождении ребенка, и так далее.

– А раньше нельзя?

– Не советую. Если он появится раньше, ему могут пред-

ложить: «Ну, пока срок еще маленький, ты пока послужи, а потом мы тебя домой отпустим». А пока туда-сюда пересылают документы, он все два года и оттрубит.

– А когда он все-таки появится в военкомате, его не привлекут к ответственности?

– Ну пусть скажет, что жил в другом городе, потому что нашел там работу.

– Скажите, Павел Павлович, а есть достойное решение этой проблемы?

– Вообще-то люди, если у них сыновья рождаются, готовятся к этому заранее. В спортивные секции, например, отдают, чтобы юноши могли себя защитить. В институт поступают с военной кафедрой, трудоустраивают на предприятия оборонной промышленности. Но он у вас, как я понял, не студент. И родители у него не пенсионеры, и он не сельский учитель и не сельский врач. Так что улучшайте демографическую ситуацию в стране – мой вам совет. Да, и вот еще что. Вы можете сходить в Комитет солдатских матерей, они там тоже что-то предпринимают.

Марина выложила юристу 250 рублей за душевный разговор и отправилась осмысливать услышанное.

Нужны какие-то конкретные действия. Но какие? Можно было бы посоветоваться с Валентином, ведь у него взрослый сын. Но она не хотела засорять отношения с любовником своими проблемами.

Слишком многие – и разные – люди говорили ей о Комитете солдатских матерей. Значит, игнорировать его существование нельзя. Она нашла адрес в телефонном справочнике и отправилась туда в один из свободных вечеров.

Комитет располагался на первом этаже жилого дома почти в центре города. Вывески нигде не было, но дверь практически не закрывалась, так как, придерживая ее, в помещение комитета по одному или парами все время входили люди. Оказавшись внутри, Марина осмотрелась. Скорее всего здесь раньше тоже были квартиры, которые перепланировали, чтобы обустроить офис. Центральным было помещение, оформленное как небольшой зал – со стульями и деревянными скамьями посередине. От зала узкий короткий коридор вел в глубь помещения, где начинались кабинеты сотрудников и волонтеров комитета. За скамьями на стенах висели стенды.

Марина решила обойти их, чтобы понять, хотя бы примерно, направления деятельности общественной организации. На стендах висели рекомендации о том, какие документы нужно носить с собой призывнику, чтобы оказать достойное сопротивление, если его вдруг остановит милиция. Был там список всех предоставляемых отсрочек от службы в армии и разъяснения к ним. Там же – перечень медицинских

показаний, на основании которых молодой человек может получить отсрочку или вообще освобождение от службы в армии. Она изучила расписание занятий призывников по защите их прав и нашла объявление о том, что любой желающий может принять участие в работе комитета: дежурить в течение дня, оказывать юридическую консультацию, набирать тексты на компьютере, копировать документы, рассылать факсы...

Марина вдруг уткнулась глазами в фотографию юноши в черной рамке, прочла имя и фамилию. Портрет стоял на высокой тумбочке, и рядом с ним лежали живые цветы, а выше, на листе ватмана, прикрепленном к стене, было написано, что мальчик скончался в воинской части номер... «от телесных повреждений, нанесенных во время избиений в казарме»... А рядом висел длинный список фамилий юношей, погибших по таким же обстоятельствам, только номера воинских частей и названия округов были разные...

– Вы у нас впервые? – вывел ее из оцепенения несколько тусклый женский голос. Она оглянулась. Перед ней стояла седая как лунь старая женщина с прямой спиной и живыми глазами.

– Да, я зашла первый раз. Хотела посоветоваться...

– А вы присаживайтесь. Через десять минут начнется общая беседа. Возможно, вы узнаете из нее то, что вас интересует. А если нет, тогда подойдете к нашему юристу или к Алевтине Федоровне.

Марина выбрала себе дислокацию поближе к выходу, чтобы в любой момент удрать, если разговор ей покажется скучным и бесполезным. Со своего места она могла рассмотреть практически всех людей, которые в этот день пришли в комитет. Здесь были женщины – ровесницы Марины, как она предположила, с сыновьями. Здесь были девчушки – ровесницы Алёны, пришедшие под руку с молодыми людьми. Здесь было несколько бабушек и несколько пап. Вполне возможно, что теща была всего одна – Марина...

Моложавая женщина в строгом костюме, вышедшая из двери одного из кабинетов, звонко поздоровалась со всеми и вышла к первому ряду сидевших.

– Меня зовут Алевтина Федоровна, я председатель Комитета солдатских матерей – для тех, кто меня не знает. И я предлагаю начать наш разговор так, как это мы делаем обычно, – с рассказа о проблемах, с которыми вы столкнулись. А я по ходу буду их комментировать и объяснять ваши права. Здесь присутствуют родители, которые уже приобрели и опыт, и закалку в общении с чиновниками комиссариатов города, так что они поделятся тоже своими впечатлениями и дадут вам свои рекомендации. Ну, с кого начнем? – Алевтина Федоровна доброжелательно оглядела аудиторию...

– Ну, может, я расскажу, – нерешительно переступил с ноги на ногу мужчина, державший в руках кепку. – У нашего сына диабет, и он по медицинским показаниям не подлежит мобилизации, но ему написали в карточке «годен», и вот те-

перь мы обиваем пороги кабинетов и доказываем, что белое – это белое.

– У кого аналогичная проблема, поднимите руки, – попросила Алевтина и, увидев несколько вскинутых рук, решила, что вопрос стоит обсуждения. – Я попрошу Ангелину Викторовну – вот она сидит около меня – рассказать, как действовала их семья в аналогичной ситуации.

Принцип организации беседы Марине стал понятен – что-то вроде сеанса психотерапии Кашпировского и обмена опытом. После Ангелины Викторовны выступила другая женщина и стала рассказывать, каким образом матерям удастся проникать на территорию районных военкоматов, несмотря на то что там «установили уже три вертушки и всячески препятствуют нашему присутствию»...

Ей же хотелось совершенно конкретных, четких рекомендаций. В конце концов, она могла получить их и сейчас, если бы располагала временем... Марина потихонечку стала пробираться к выходу.

– А вы что-то уже услышали полезное для себя? Женщина, которая пробирается к выходу, я к вам обращаюсь! – услышала она голос Алевтины и поняла, что речь идет о ней. Она остановилась, обернулась и обнаружила, что стала притяжением внимания аудитории. «О Господи, вот только публичности мне и не хватало!»

– Да-да... – поспешно сказала она. – Я уже услышала все, что мне требуется. Извините. – И еще проворнее стала про-

браться к выходу.

Марина давно собиралась пойти к Юлии Прохоровой, приятельнице, с которой они дружили уже лет два–дцать. Она даже не помнит, при каких обстоятельствах они познакомились. Так это было давно. Юлия работала старшей медсестрой их районной поликлиники, была замужем за начальником отдела кадров сети универсамов и воспитывала двоих сыновей.

Марина надеялась, что подруга подскажет ей, каким образом можно получить законное освобождение от службы в армии по медицинским показаниям. А если еще дома окажется ее муж Павел, то это будет идеальный вариант. Она расспросит его о том, как при желании кадровик может закрыть глаза на отсутствие военного билета.

...Павел был дома: очевидно, он стоял в прихожей, так как его голос слышно было еще с лестничной площадки первого этажа. Как только она позвонила, с внутренней стороны двери послышался удар крупного тела. Это пес Прохоровых таким образом показывал хозяевам, что пришел в гости человек, которому они (он знает точно) всегда рады. Стоило только двери открыться, как Джимка кинулся ей в ноги, виляя хвостом.

– Проходи, Петровна, – приветствовал ее Павел, только что вернувшийся с прогулки, – проходи, я вот только сейчас ошейник с этого кабыздоха сниму, да и тоже с вами чайку

попью.

– А мы как будто тебя звали, – выглянула полнолицая румяная Юля. – У нас, может, свои, девичьи разговоры.

– Да ладно, – кокетничал Прохоров, – вспомнила бабка, как в девках была. Петровна к нам так редко заходит, что я уж и забывать стал, как она выглядит-то. Я сейчас...

Марина в какой-то психологической книге читала, что женская дружба носит некий терапевтический оттенок: если прийти к приятельнице в гости, чаю попить, вкусенького поесть, поболтать, пожаловаться – станет легче. Так у них было с Юлией. Они бегали друг к другу в гости особенно часто, когда над их семьями сгущались облака. Был период, когда Павел начал пить, и Юлия с сыновьями все вечера, иногда до ночи, проводила у Марины. Возвращалась домой, когда муж, уgomонившись и устав от самого себя, засыпал. Слава Богу, этот запойный кошмар закончился так же внезапно, как и начался.

Марине нравилось бывать у Юлии, поскольку та относилась к породе людей, которые всегда уверены в том, что поступают правильно, и они действительно поступают правильно. В ней была спокойная домовитость, которой не хватало Марине, Юля умела слушать не перебивая и хранить доверенные ей тайны.

– Хочешь супу грибного, только что сварила? – стряхивая вафельным полотенцем невидимые крошки с кухонного стола, спросила приятельница. – Мои за-жрались совсем. Два

раза подряд ши сделала – уже надоело. Ну, рассказывай, как дела у тебя.

Марина вкратце изложила последнюю сводку с поля боя: зять прошел собеседование в нескольких фирмах, нигде не отказали, но и не взяли, обещали позвонить; разослал резюме по электронной почте в несколько фирм. Вот «ждем-с». Она просила у Юлии узнать, какие врачи могли бы помочь в оформлении соответствующих документов и какая сумма потребуется, чтобы оплатить их помощь. Не успела Марина договорить, как Павел, до этого слушавший ее с нескрываемым неудовольствием, зло прервал ее на полуслове:

– Вот вы, бабы, сначала парней портите, а потом пищите, что настоящих мужиков нету. Откуда он мужиком станет, если ты его ватой обложила? – возмутился он и высоким фальцетом передразнил: – «Тут упадешь, тут подскользнешься, тут возможен нервный срыв!..» – И снова перешел на бас: – Он во Франции один жил? Один! Значит, как-то он себя обиходить может? Может! Да выгони ты его к чертовой матери! Пусть, в конце концов, послужит в армии, вернется – поумнеет.

– Если вернется... – тихо возразила Марина, пораженная резким монологом Павла. Она никогда его не видела таким злым.

– Что? Да половину страшилок про армию вы же и подумали со своим Комитетом солдатских матерей. Если бы этих ненормальных не пускали в воинские части, то порядка

было бы больше. Я приехал в этот город из деревни – меня никто не ждал. Я пошел на стройку, получил общежитие и сам заработал себе и эту квартиру, и все остальное. Я сам стал тем, что я есть сейчас. И меня никто не тронет, и моих детей никто не тронет. Да что ты мне все знаки делаешь? – обратился он к жене. – Должен же ей, – и он резко показал на Марину пальцем, – кто-то правду сказать. Я уж закончу, раз начал.

Марина как оглушенная сидела, помешивая чайной ложечкой в давно уже пустой чашке. Павел продолжал:

– А по поводу твоего вопроса я тебе отвечаю: я мог бы найти применение этому инфантилу, у нас сеть универсамов большая... Но если у него документы не в порядке, зачем мне нарываться на неприятности? При первой же проверке кадровой документации все выяснится. Зачем мне рисковать ради какого-то сопляка? И Юлию не втравливай в это дело. Нравится тебе сюсюкать – ты и сюсюкай. – К концу обвинительной речи лицо Павла побагровело. Марина подумала, не поднялось ли у него давление.

– Павел, прекрати гавкать! – прикрикнула на супруга Юлия. – Ты бы всех построил и выпорол поочередно. А ты не помнишь, когда у тебя недостача была, когда ты еще продавцом-кассиром работал? Тебя кто выручил? Мужики, что ли, коллеги? Тебя же, молодого дурака, взрослые тетеньки пожалели: одни деньги по кругу собрали, а другие за тебя поручились. А ты не помнишь, как в прошлом году Марина к

своему приятелю-милиционеру бегала из-за твоего старшего сына? Так что давай не распускай язык. У каждого в жизни есть ситуация, из которой одному не выбраться.

Павел, чертыхнувшись, встал из-за стола и направился из кухни в коридор.

– Да слава Богу, – сказала Юля, глядя ему в спину, – что она мальчику помогает. Одним озлобленным человеком на свете меньше будет. – И, отвернувшись от мужа, ласково обнадеедила: – Я, Мариша, все узнаю и все, что можно, сделаю. Только ты зятя своего непутевого все-таки отправь в его районную поликлинику за амбулаторной картой. Может быть, какие-то зацепки в ней можно найти. Давай я тебе еще кпяточку подолью.

– Знаешь, Юля, я, пожалуй, пойду. Мне твой Паша кпяточку налил – на сто лет хватит, – засобиралась Марина.

– Да не обращай ты на него внимания. У него климакс начался, вот он и бесится. То с Захаром, соседом гаражным, квасит, то диету какую-то соблюдает, то вот орет на всех.

– Хорошо, я постараюсь, – надевая плащ, пообещала Марина. Поцеловала подругу в румяную щеку и торопливо попрощалась.

Глава 6. Начало операции «Макаренко»

Семинар, на который Марина возлагала большие надежды, проходил в небольшом зале кинотеатра, и зал этот был полон женщин самых разных возрастов. «Оазисами» смотрелись единичные мужчины, вызывавшие откровенно жгучий интерес у собравшихся дам.

– Марина Петровна, а вы какими путями здесь? У вас же дочь, кажется, – окликнула ее женщина с соседнего ряда. Она обернулась и не узнала: серое лицо без косметики, конский хвост не по возрасту и не для грузной фигуры. Но голос был знаком. Женщина, пробиравшаяся по пустому ряду к ней, продолжала говорить: – Вы меня не узнаете? Меня многие не узнают. – И наконец подошла к ней, протянула руку: – Здравствуйте, Марина Петровна, я мама Валеры Климова, помните?

– Конечно, помню! Как он, все еще служит? – Наконец-то она узнала мать бывшего однокашника дочери.

– Недавно вернулся. Два месяца назад. – И ее глаза, чуть ожившие в начале встречи, снова стали потухшими. – Знаете, у меня такое ощущение, что у меня был цыпленок, а мне вернули утенка.

– В каком смысле, Вероника Викторовна?

– Он же был добрый, веселый мальчик. А тут из своей

комнаты склад боеприпасов устроил. Чуть что – вскипает с полоборота. Ребята, которые раньше с ним дружили, до армии, перестали к нему ходить. Он говорит, что ему с ними неинтересно. Я ему джинсы новые купила, куртку. Ведь вырос же изо всего – а он даже и спасибо не сказал. А банке сгущенного молока радуется, как ребенок.

– А работу он нашел?

– Да вот взяли его на мебельную фабрику, но ему, кажется, не нравится. Я уж ему сказала: «Валерочка, потерпи, это ведь только начало. Надо же на что-то жить. Потом найдешь что-нибудь получше». А вы как сюда попали?

Марина не успела ответить.

На сцену кинозала пружинящей походкой вышла подтянутая, стройная медноволосая женщина в голубом костюме, подчеркивавшем красивый цвет волос до плеч.

– Здравствуйте, дорогие мои! – приветствовала она собравшихся приятным голосом, и по реакции «дорогих» Марина поняла, что многие здесь не первый раз. – Сегодня мы продолжим разговор о том, какие черты характера вы должны формировать у ваших мальчиков.

Многие слушательницы, как прилежные школьницы, достали общие тетради, блокноты и приготовились записывать рекомендации Тамары Павловны.

– Приходилось ли вам, дорогие мои, – обратилась к залу психолог, – напоминать вашим мужьям или любовникам о том, что у них завтра важная встреча, а провожая на работу,

интересоваться, взял ли *он* с собой ключи от машины или проездную карточку? А не советуете ли вы *ему* перед важной встречей, что лучше надеть?

По оживленно загудевшей, заулыбавшейся и закивавшей аудитории было очевидно: да, приходилось.

– Так знайте, что это все от неверного воспитания и отношения, которое получили ваши мужчины от своих матерей. Если вы хотите, чтобы ваши сыновья стали самостоятельными взрослыми людьми, прекратите делать за них то, что они должны делать сами.

– А как? Это возможно? – раздалась реплика из разных рядов кинозала. Но психолог невозмутимо продолжала:

– Если ваш сын собирается в школу, то его ранец – это его ранец, и пусть он кладет туда то, что считает нужным. Если ваш сын, вернувшись с дискотеки, бросает свои вещи кучей на полу, не убирайте их за ним. Если ваш взрослый сын устроился на работу, не старайтесь стать его памятью и календарем. Пусть заведет ежедневник.

– Но ведь он опоздает! Ему нечего будет надеть! Он пропустит важную встречу! – хором восклицали слушательницы.

Тамара Ивановна театрально выдержала паузу, обвела взглядом всю аудиторию и с каким-то легкомыслием сказала:

– И пускай! Пусть он столкнется с последствиями своей несамостоятельности несколько раз – и тогда научится забо-

титься о себе сам. Но... – Тамара Павловна снова сделала паузу, привлекая к себе максимальное внимание публики, и почти шепотом продолжила: – Но прежде всего вы должны научить этому ваших мужей. Ведь личный пример – прежде всего.

– А что делать, если в доме нет мужчин? – подумала Марина, и весь зал посмотрел на нее. Она поняла, что произнесла это вслух.

Тамара Павловна была настроена оптимистично.

– Тогда позаботьтесь о том, чтобы у вашего сына был тренер-мужчина в спортивной школе или мужчина-педагог в музыкальной.

– Поздно, он уже умеет играть на гитаре, а спортом, кажется, не интересуется.

– Что значит – поздно? – удивилась психолог. – Сколько же вашему мальчику лет?

– Двадцать, – ответила Марина.

– А где же вы раньше, мамочка, были? – с укоризной спросила медноволосая дама и снова обвела взглядом кинозал, как шоумен, приглашая аудиторию к участию в разговоре.

– Раньше я воспитывала дочь.

– А сын ждал своей очереди в течение двадцати лет?

Марина чувствовала всю нелепость ситуации, понимала, что оказалась своего рода живцом для дискуссии, необходимой для платного семинара, но остановиться не могла и продолжала отвечать на вопросы психолога:

– Он только что появился. – Она увидела недоумение, граничащее с брезгливостью, на лицах женщин-соседок и торопливо стала объяснять: – Вообще-то он мне зять, и так получилось...

– Вы хотите заняться воспитанием зятя? – перебила ее психолог, не скрывая своего сарказма. – Да легче медведя научить танцевать! Нет-нет, по-моему, вы ошиблись. Мы говорим здесь о сыновьях.

Марина вдруг разозлилась на этих куриц, строчащих в блокнотах, и на себя тоже: чего она сюда приперлась?

– Но ведь ваши сыновья когда-нибудь станут зятьями, – сказала она тихо, – и то, что вы недоделали, станет проблемами их жен и тещ! – И пошла к выходу, кляня себя на чем свет стоит...

«Чего меня туда понесло? – С облегчением она закрыла за собой дверь кинозала. – Ведь простейшая логика подсказывает, что зятю нужны элементарная физическая работа, ее очевидные результаты, вера в себя и свои силы».

– Марина Петровна, подождите. – За ней почти бежала Климова. – Извините, что я вмешиваюсь, но когда Валера еще только вернулся, он мне все ножи переточил, мебель починил, пылесос. Он говорил, что ему нужно руки занять...

– Да, спасибо вам, я попробую. А Валере не семинар нужен. Скорее всего ему нужна реабилитационная программа или хотя бы индивидуальная консультация психолога. Мы обе с вами, Вероника, не по адресу пришли.

Они обменялись телефонами и договорились по возможности друг друга поддерживать информацией и советами.

...В среду у Марины выдался свободный день. Она имела полное право остаться дома и заняться... зятем. Переждав сборы и уход Алены в институт, она притащила с балкона старый рассыпающийся стул, «приложила» к нему молоток и гвозди, тубик клея и книжку «Ремонт мебели собственными руками». Подготовив фронт работ, она сладким голосом позвала зятя:

– Ипполит, ты еще не завтракал?

Операции «Макаренко» чуть было не помешала бабушка, встав на защиту мальчика:

– Марьяна, ты что, забыла? Он же завтракает с Аленой, провожает ее, а потом досыпает...

– А он у нас что, беременный, чтобы досыпать? – подбавив едучести в сладкий голос, спросила Марина и снова принялась выманывать зятя из комнаты. – Ипполит, ты меня слышишь?

– Угу.

– У меня к тебе дело.

За дверью молодоженов пошуршало, и из комнаты вышел свежеумытый дочерин муж.

– Бабушка говорит, что ты уже позавтракал?

– Да, спасибо. – По его лицу было видно, что он ждет от нее подвоха.

– А знаешь, у нас в доме существует такое простое правило: кто не работает, тот не ест. Но раз уж ты поел, то надо бы отработать. Вот я тут тебе приготовила, – она кивнула на инвалидного вида стул, – почини, пожалуйста. Там и инструкция имеется, как это сделать.

Зять стал красным как рак.

– А он вам, Марина Петровна, нужен? Или вы меня занять хотите? Может, я вам картошку на обед почищу? – взывал зять к миролюбию, но Марина уже набрала скорость.

– Картошку в этом доме чистят женщины. Ты извини, я с тобой буду откровенна. Ты обуза для моей дочери. Но если я скажу ей об этом прямо, она еще крепче будет за тебя держаться. Значит, надо сделать так, чтобы ты был как можно меньшей обузой.

– Да вы меня уже достали, Марина Петровна! – вскипел зять. – Что вы ко мне пристали, как будто я вам сын? Вы к Алене так не цепляетесь, как ко мне.

– Ну так с Аленой не нужно возиться, у нее все в порядке. А вот ты полуфабрикат, тебя же надо дожаривать и дожаривать! Зачем ей муж, который ничего не умеет и не работает? Есть семьи, в которых мужья меньше жен зарабатывают, так они за домом и детьми смотрят. А у вас что?

– К этому набору нужна еще наждачная бумага, – деловым тоном сообщил Ипполит, – у вас есть?

– Что? – Зять так резко переменял тему, что Марина, не успев свернуть с заранее выбранного воспитательного марш-

рута, стала медленно соображать, зачем Ипполиту с Аленой наждачная бумага, или это имеет какой-то переносный смысл? Но, увидев, что мальчик склонился над стулом-инвалидом, ощупывая изящными длинными пальцами места склейки, отметила про себя, что Ипполит, как верно подметил бывший муж Геннадий, неконфликтен.

– Есть у нас наждачная бумага, посмотри в кладовке или бабушку попроси. Она найдет, а мне уже на работу пора.

...Три дня в доме пахло морилкой, лаком, клеем, а бабушка-генерал ела Марине плешь за «вздорный характер и создание нервозной обстановки в семье». На четвертый день, выйдя утром в кухню, она стукнулась коленкой об отреставрированный стул. Дело явно не обошлось без помощи, руководства и финансовых вливаний бабушки, поскольку обивка сиденья была из явно новой ткани.

– Ну что, довольна, узурпаторша? – За спиной уже стояла мать с очевидным намерением подискутировать о методике трудового воспитания.

– Конечно, довольна, теперь я могу всем говорить, что мой зять умеет реставрировать стулья. А может быть, развесить объявления на столбах о приеме заказов? Во всяком случае, он с чистой совестью может сегодня пообедать и даже поужинать. А если вы хотите иметь в субботу пироги, то пусть починит духовку у газовой плиты, там крышка не закрывается.

– А ты из нее не устраивай посудный склад, тогда...

Но Марина мысленно уже давно «включила» шумовую завесу и была занята совсем другим: этим вечером они с Валентином собирались пойти в ресторан, чтобы отметить годовщину их первой встречи.

Глава 7. Семейная тайна

...И снова было утро субботы, и снова шестое чувство заставило ее оставить любовника нежиться в постели, а самой, выпив крепкий кофе, возвращаться домой. И снова мать-генерал встречала ее в прихожей, только сегодня ее седые волосы были завязаны в низкий пучок, а не убраны в высокую прическу. И уж еще большая редкость – она говорила шепотом.

– Где ты шляешься? Аленка дома не ночевала.

Марина так и застыла, держа в руках пальто и пласт-массовые плечики, на которые собиралась его повесить.

– А Ипполит где? Он с ней? – также шепотом спросила она.

– Ипполит-то как раз дома, а ее нет.

– Почему ты так решила? Может быть, ты просто не слышала, как она вернулась?

– Потому что она мне звонила.

– Тебе?

– Да, мне, потому что она знает, что по пятницам тебя нет. Она, видимо, решила тебе подражать.

– Давай без нотаций.

Они стояли в коридоре и шипели друг на друга. Мать поделилась имеющейся у нее информацией:

– Алена сказала, что останется ночевать у подруги, с ко-

торой вместе занимается на этих курсах, английских...

– Почему ты мне не позвонила? – снова зашептала Марина.

– Потому что она меня просила этого не делать. Она еще сказала: «А то мама испортит мне весь кайф!»

– По-ол! – звонко позвала Марина и наконец-то повесила пальто на плечики. – По-ол, выходи, ты наверняка уже проснулся от нашего шипения. Я хочу кое-что выяснить. Я тебя жду на кухне.

Но первой на кухню просочилась бабушка.

– Мариша, ты сначала успокойся, а то наговоришь лишнего. Мы же ничего не знаем.

– Во-от я и хочу узнать, кто у нас муж, где у нас ходит жена...

– Жена у нас отмечала вчера успешную сдачу – «ТОЭФЛ» с однокурсниками. – Над бабушкиным плечом возникла голова Ипполита, а затем он, решив, что прятаться за спиной пожилой дамы стыдно, боком продвинулся в кухню и встал у притолоки.

– А почему ты здесь, а она – там?

– Потому что она встречается с группой.

– Так ты им вроде не чужой...

– Мне вечером ходить нежелательно по людным местам, облавы бывают...

– Ах да, я забыла, что ты в бегах... – почти было согласилась Марина, но потом снова напала на зятя: – Нет, послу-

шай, что ты мне врешь про бега? Ты же сколько раз ходил и вечером, и днем. Вы что, поссорились?

– Нет...

– Я все-таки ничего не понимаю. Разве тебе не все равно, где она?

– Я знаю, где она... – Ипполит старался говорить с ней мягко, как будто она девочка-несмышлениш или старая ма-разматичка, и это ее просто бесило.

– Странно, когда мы с Геной поженились, мы старались всегда быть вместе.

– Марина Петровна, вы меня уже достали своим допросом! – не выдержал ее напора зять. Он отлепился от дверной притолоки и потянулся к коробку спичек, лежавшему на столе около плиты. – Кто, да что, да с кем! – Пошарил по карманам, но сигарет не нашел. – Вы что, своей собственной дочери не доверяете? Почему она не может с друзьями куда-то сходить? Это их успех, а не мой!

Она первый раз видела его таким. Он говорил не со злобой, а с каким-то надрывом, и она уже чувствовала, что пора эту «сцену» заканчивать. Она знала по своему старому школьному опыту: еще чуть-чуть – и будет срыв. Но по инерции продолжила диалог:

– Но ты же муж!..

– Да я ей вовсе не муж! – в запале выкрикнул он, потом испугался, медленно сел на табуретку и молча стал вертеть в руках спичечный коробок.

– А кто, жена? – еще не осмыслив услышанное, уточнила она.

– Да никто! Мы фиктивно поженились...

Несколько минут она тупо слушала стук спичечного коробка по поверхности стола. Если брак фиктивный, то ей бы надо радоваться... Но радость что-то не приходила. Просто навалилась сонливость. Ее всегда клонило в сон после чрезмерных переживаний. Надо полагать, так о ней заботился ее собственный организм. Она решила взять тайм-аут.

– Значит, так, лжезять. Я устала, хочу спать. Придет Алена, продолжим.

...В ожидании Алены она капала валокордин бабушке-генералу, объясняла ей, что звонить на трубку Алене бессмысленно, так как она наверняка спит, и что дочка сама позвонит, как только проснется. По всей вероятности, Алене позвонил Ипполит, услышав, что бабушке плохо, а главное, чувствуя за собой вину в разглашении их «семейной тайны».

Аленка прискакала через час после окончания военных действий на домашней кухне – веселая, довольная и решительная. Она предполагала, что ее ждет, и была к этому готова. Можно сказать, выросла в полях семейных баталий.

– Мама, бабушка, поздравьте меня! Я сдала на «отлично». Теперь я точно еду в Будапешт!

Бабушка, услышав новость, еще больше расстроилась, ей понадобилась очередная порция сердечного.

– Одна? Ты поедешь одна? Что ты там забыла? Там же

наркотики, мафия!

– Бабушка, у нас здесь тоже наркотиков хватает и мафия своя имеется. Зато я целый семестр буду жить в Европе! Там же по шенгенской визе все можно объехать!

– Ты оформишь визу и на Ипполита? – неожиданно остановила поток восторгов дочери Марина. Та прикусила язык, в комнате повисла пауза.

И снова, как в прошлый раз, они сидели с дочерью в Мариной комнате.

– Это правда, Алена, что мне Ипполит сказал?

– Да, мама! – с поборота перешла в нападение дочь. – Что ты вмешиваешься-то? Ко мне препод лип. Он ко всем девчонкам, кто не замужем или не в гражданском браке, под юбку лезет. Он мерзкий старпер... И он еще три года будет у нас преподавать...

Марина внутренне содрогнулась от услышанного. Удивилась, почему дочь ничего ей об этом не рассказывала, ведь, наверное, она смогла бы ей помочь, подсказать, как вести себя и что делать. В конце концов, можно было бы и в деканат обратиться. А дочка по молодости выбрала какой-то странный способ.

– Можно подумать, что обручальное кольцо спасает, – усомнилась вслух Марина.

– А вот спасает. Ему один раз парни-мужья так вломили... Так он теперь тех терроризирует, про кого точно знает,

что свободна. Мы с Полом договорились: он мне – крышу от препода, я ему – жилье, пока проблема с армией не утрясется. И потом, он трахается хорошо, так что мы с ним квиты.

Марина каким-то сторонним взглядом отфиксировала, с какой легкостью ее дочь говорит об интимной сфере отношений. «Впрочем, это свойственно нынешним молодым...»

– Алена, ты понимаешь, что вы из меня дуру сделали? Я же с ним как с писаной торбой вожусь! А мне-то какой резон все это тащить?

– А тебя никто не просил. Я тебе давно говорила, чтобы ты не лезла.

– Ах вы, засранцы, по каким законам вы живете? – Возмущение и обида буквально душили ее.

– Мамочка, да по нормальным законам мы живем, это ты все где-то витаешь! С отцом развелась, чем он тебе был нехорош? А отпустить не хочешь. Любовника при себе держишь, а не любишь.

Марина глотала ртом воздух, потому что ее душили слезы и обида. В словах дочери была горькая правда, которую она не хотела признавать, и, как ей казалось, ни-кто в доме этого не видел. Ей нечего было сказать – да и зачем?

Опустив голову, чтобы не видно было слез, она молча искала в косметичке таблетки валерьянки, ставшие в последнее время ее постоянным «витамином».

Дочь почувствовала, что зашла слишком далеко, попыталась даже заглянуть в глаза.

– Мама, прости, я не хотела тебя обидеть.

Марина еще ниже опустила голову, покачала ею из стороны в сторону и молча показала рукой на дверь, дочь постояла удрученно несколько минут и тихо вышла.

Она обессиленно откинулась на спинку дивана и разрешила себе плакать. Слезы текли по ее лицу, она их не вытирала, уставившись в бежевый абажур торшера. Обида, горечь, отчаяние, усталость вытолкнули на поверхность сознания воспоминания...

Глава 8. Объяснение

...У Гены была смешная фамилия – Козько. Марина, выйдя за него замуж, свою фамилию не меняла и родившуюся дочь записала как Васильеву. Гена, хоть и не страдал комплексом неполноценности, все-таки обиделся, потом привык, потом стал шутить, не стоит ли и ему взять фамилию жены. Потом нагрязнул развод и все расставил по своим местам.

В первый год после этого семейного кораблекрушения Марина выбрасывала из своей памяти и жизни все, что было связано с Казановой-Козько. Она даже отнесла в комиссионный магазин янтарные украшения, которые Геннадий, зная ее пристрастие к этому камню, дарил ей всякий раз, когда у него удачно заканчивался проект. У нее же эти кольца, браслеты и бусы ассоциировались не с проектами мужа, а с его многочисленными романами.

Мать, застав Марину за укладыванием янтаря по коробочкам, сразу догадалась, в чем дело. Сказала только: «Ты еще об этом пожалеешь».

После развода прошло года два, ее обида улеглась, Марина снова стала дышать, смотреть по сторонам, замечать на себе взгляды мужчин. Она по-прежнему была милостива, энергична и в то же время пластична в движениях, а из косметики пользовалась только помадой, да и то в сугубо парад-

ных случаях. После истории с янтарем она не носила ни колец, ни браслетов, позволяя себе лишь кулоны из полудрагоценных камней: лазурита, яшмы, малахита в хорошей обработке. Уж в чем в чем, а в этом она, дочка геологов, знала толк.

Новая для нее брачная ситуация возникла, когда Марина еще работала в школе. За ней активно ухаживал кто-то из отцовых молодых коллег под предлогом «Не нужно ли чего семье геолога-пенсионера». «Нет, ничего не нужно, но гостям всегда рады». Кажется, Марина с молодым человеком даже успела куда-то сходить. Примерно в это же время она повела своих пятиклассников в очередной однодневный поход. Перед тем как выйти на маршрут, отправила троих мальчишек в булочную за хлебом. Несколько взрослых, которые всегда помогали ей ходить с детьми, остались на улице. К одному из пап подошел знакомый. Поздоровались, как принято, за руку. «Куда?» – «В поход». – «Хорошее дело, а где ошметок?» – «Да за хлебом пошел». – «Ну, бывай...» Она, ставшая свидетельницей этого совершенно будничного, на одной интонационной ноте разговора, вдруг почувствовала себя оглушенной. «Ошметком», оказывается, называют приемные папы ребенка жены от первого брака! Ну никак она не хотела, чтобы ее дочь хоть кто-нибудь когда-нибудь назвал так же. Роман с молодым геологом пошел на убыль и закончился с его очередной экспедицией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.